

Правовое положение представителей родовой аристократии в обычном праве бурят XVII–XIX вв.

Наталья Максимовна Митыпова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

аспирант

ORCID: 0000-0003-2901-7298. E-mail: mitipova.natalya@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению правового положения представителей родовой аристократии бурят в сборниках обычного права XVII–XIX вв. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью правового положения бурятских родоначальников в обычном праве бурят. Представители родовой аристократии бурят непосредственно участвовали в кодификации норм обычного права. Составляя сборники «степных законов», представители родовой аристократии активно приспособляли нормы обычного права в своих интересах, тем самым закрепляли свое привилегированное положение в обществе. Кроме того, бурятские родоначальники не были ограничены в своей правотворческой деятельности, поскольку им не требовалось приспособляться к новым для них законам. *Цель* данного исследования — проследить интересы и привилегии родовой аристократии в нормах обычного права бурят XVII–XIX вв. *Материалы.* Для оценки правового положения представителей родовой аристократии бурят в обычном праве были проанализированы памятники обычного права XVII–XIX вв. Также были использованы следующие методы исторического исследования: историко-диахронный и сравнительно-типологический. *Результаты.* Выявлено, что составляя ответы на запросы царского правительства, бурятские родоначальники приспособляли традиционные нормы и обычаи с целью утверждения своего высокого правового положения в обществе, а также стремились наделить себя широкими полномочиями. Это нашло свое отражение в системе наказания, земельном вопросе и судопроизводстве. В их ведении оставались административные, фискальные, судебные, семейно-брачные вопросы, а также решение разных спорных вопросов среди населения. Данное обстоятельство послужило процессу активной адаптации уже существующих норм права к интересам бурятского нойонства.

Ключевые слова: обычное право бурят, бурятское нойонство, родовая аристократия, тайша

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Для цитирования: Митыпова Н. М. Правовое положение представителей родовой аристократии в обычном праве бурят XVII–XIX вв. Монголоведение. 2019; (3): 519-530. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-519-530.

The Buryat Tribal Aristocracy: Legal Status of Its Representatives in the 17th–19th-Century National Customary Law

*Natalia M. Mitypova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Postgraduate Student
ORCID: 0000-0003-2901-7298 E-mail: mitipova.natalya@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The article deals with peculiarities of legal status of the Buryat tribal aristocracy traced in the 17th–19th-century collections of national customary law. Compiling codes of ‘steppe laws’, the tribal aristocracy actively adapted customary law to their interests, thereby securing their privileged position in society. Compiling answers to inquiries of the Russian Government, the Buryat aristocrats modified traditional norms and customs with the aim of asserting their high legal position, and sought to vest themselves with broad powers. *Goals.* The article primarily aims to illustrate the interests and privileges of the tribal aristocracy according to 17th–19th-century norms of customary law. *Materials.* The paper analyzes customary law collections of the mentioned period. *Results.* The investigated documents show broad powers of the Buryat tribal aristocracy. The latter remained in charge of administrative, fiscal, judicial, family and marriage-related issues, also being authorized to resolve various contentious questions among the population. In addition, it is important to note that the Buryat tribal aristocracy were not limited in their law-making activities since they did not need to adapt themselves to new laws. As a result, accommodating themselves to the new political situation, the tribal aristocracy sought to both maintain their positions and influence in society, as well as to concentrate broad powers in their hands, which was manifested in adapting customary law to their interests.

Keywords: Buryat customary law, tribal aristocracy, Buryat people, *taisha*

Acknowledgements. The reported study was funded with grant support from the Government of the Russian Federation – No. 14.W03.31.0016 ‘Dynamics of Peoples and Empires in the History of Inner Asia’.

For citation: Mitypova N. M. The Buryat Tribal Aristocracy: Legal Status of Its Representatives in the 17th-19th-Century National Customary Law. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 519-530. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-519-530.

Введение

С включением в состав Российской империи сибирских территорий, населенных разными народами, решались задачи последова-

тельной интеграции региона в имперское пространство, что нашло отражение в законодательной политике Российского государства. Согласно разным версиям периодизации имперской политики, этап XVII–XVIII вв. [Федоров 1978; Сибирь в составе 2007] характеризуется как период косвенного управления народами Сибири. Курс на минимизацию административного вмешательства империи в жизнь коренного населения Сибири означал, что долгое время организация жизнедеятельности народов Сибири осуществлялась в границах унаследованного ими от предков правового наследия (обычного права).

Ключевую роль в системе управления регионом Забайкалья играли фискальные интересы царской администрации. Однако для создания устойчивой системы взимания ясака, а также эффективной системы управления местным населением Российскому правительству требовалась информация о быте и традициях коренного населения, согласно которым регламентировалась жизнь общества. С этой целью русские власти обращались к родовой аристократии бурятских улусов с требованием дать необходимую информацию о таковых традициях и обычаях [Базаров, Даржаев 2008: 31]. Данное обстоятельство дало основание для бурятской родовой знати внести изменения в традиционные нормы обычного права и на законодательном уровне закрепить свое высокое положение в обществе.

Таким образом, подстраиваясь под новую политическую ситуацию, бурятские родоначальники стремились сохранить свое положение и влияние в обществе, а также сосредоточить в своих руках широкие полномочия, что нашло свое выражение в адаптации норм обычного права в своих интересах.

Изучение корпуса источников по данной тематике позволяет рассмотреть правовое положение представителей родовой аристократии бурят в обычном праве в указанный период, а также проследить их интересы и привилегии.

В контексте задач статьи несомненный интерес представляют исследования проблемы обычного права коренных народов России, в том числе и Сибири. Материалы по обычному праву стали активно собираться по инициативе Российского правительства в начале 1840-х гг. Первые работы появились в 1870-х гг. Издание памятников обычного права сибирских инородцев в сборнике Д. Я. Самоквасова

в 1876 г. положило начало научным исследованиям в этой области [История органов самоуправления 2013: 83]. В сборнике опубликованы сведения первой четверти XIX в. в рамках программы по реформированию управления Сибирским краем. В нем представлены отчеты четырех прибайкальских бурятских родов и фрагменты переводов Степных уложений двух забайкальских родов [Тумурова 2004: 10]. Однако опубликованный материал имеет недостатки в виде неточности перевода, примерной передачи правовой нормы, а также неполноты текста [Тумурова 2004: 10].

Рассматривая родовую аристократию XVIII–XIX вв. в контексте обычного права бурят, важно отметить фундаментальную монографию Е. М. Залкинда [Залкинд 1970], в которой проводится анализ брачно-семейных, административных, имущественных отношений в бурятском обществе после присоединения к России до середины XIX в. Большой вклад в изучение норм обычного права бурят внес Б. Д. Цибикив [Цибикив 1970; Цибикив 1992]. Им были опубликованы памятники обычного права хоринских и селенгинских бурят, а также представлен краткий обзор данных документов. Проблемам обычного права бурят посвящены монографии А. Т. Тумуровой [Тумурова 2004; Тумурова 2005]. Автор рассматривает развитие правовой культуры бурят, как части российской правовой системы и ее истории. Следует отметить работы исследователя С. Ю. Даржаева [Даржаев 2001; Даржаев 2008].

Материалы и обсуждение

Одним из наиболее ранних памятников обычного права бурят является «скаска» балаганских бурят, дошедшая до нас в отписке енисейского воеводы Степана Коровина в сибирский приказ. Данный памятник датируется 1693 г. Этот памятник был обнаружен С. А. Токаревым и был им опубликован в 1939 г. Автор характеризует «скаску» как самую раннюю из сохранившихся записей обычного права бурят [Токарев 1939: 39]. Основная часть документа состоит из 11 статей, которые содержат в себе нормы обычного права бурят. Как отмечает С. А. Токарев, данный исторический источник представляет большой интерес, поскольку в нем зафиксированы правовые нормы в их первоизданном виде, вне влияния царской судебной практики [Цибикив 1970: 79].

При изучении памятников обычного права бурят в указанном контексте исследования, особое внимание следует уделить вводной части сборника «степных законов». Вводная часть сборника помогает раскрыть первопричины создания документа, а также круг лиц, которые принимали участие в его составлении.

Вышеупомянутая «скаска», как отмечает С. А. Токарев, является записью сделанной царскими властями со слов «лутчих балаганских братцких мужиков» [Токарев 1939: 39]. Во введении уложения хоринских бурят 1851 г. говорится, что документ был выработан на «полном сейме» Хоринской степной думы 20 декабря 1851 г. в присутствии почетных лам хоринских дацанов, заседателей степной думы, голов каждого отока, выборных, старост, доверенных от населения, «лучших» людей. На этом собрании главный тайша Т. Жигжитов сообщил присутствующим о предписании забайкальского военного губернатора проверить «Степное положение хоринских бурят 1823 года» и, обновив его и снабдив примечаниями, представить ему [Цибиков 1992: 12]. Таким образом, составление подобных документов происходило в присутствии «лучших людей», что давало представителям родовой аристократии бурят возможности адаптации норм обычного права в своих интересах.

Несколько иное происхождение имеет Селенгинское уложение 1823 г. В вводной части документа говорится о том, что данный памятник был составлен без предписания или запроса царской администрации. Его создание — следствие внутренней потребности общества, инициатива местных родоначальников. Для решения острых социальных противоречий в бурятском улусе, представители родовой аристократии приняли решение о составлении нового уложения «в целях судопроизводства возникающих дел» [Цибиков 1970: 8].

Составляя ответы на запросы представителей царской администрации, местные родоначальники стремились сохранить уже существующую практику разбирательства дел на местах, без участия представителей царской администрации, аргументируя данное обстоятельство тем, что «по простоте нравов и непросвещению» это может привести к неразберихе. Приговор Балаганского бурятского общества 17 родов был составлен 17 апреля 1818 г. и являлся от-

ветом на запрос Иркутского земского суда об управлении и судопроизводстве среди бурят в прошлом и настоящем и о намерениях в будущем [Цибиков 1970: 18].

В «миром приговоре» было выражено мнение, что «по вере нашей ни в каких случаях и никогда от древних наших обычаев и преданий, предками оставленных, и законов нам хранимых, отступать мы не должны» [Цибиков 1970: 19]. Как отмечает Б. Д. Цибиков, причиной этому является не только боязнь неразберихи, но и боязнь административного произвола и судебной волокиты, связанных со взятками и вымогательствами со стороны царского чиновничества [Цибиков 1970: 19].

Порядок судопроизводства нашел довольно полное отражение в сводах обычного права различных ведомств, причем, сохраняя всюду единообразие в основе, он несколько варьирует по отдельным ведомствам. В некоторых уложениях сохранились черты старинного родового суда, в котором велика была роль старейшин, и состав суда не ограничивался одними родоначальниками [Залкинд 1970: 124]. Основная ответственность за сохранение порядка лежала на главных и вторых тайшах. По «степным законам» и предписаниям царской администрации «власть Главного тайши заключалась в сохранении тишины и порядка вверенного ему народа» [Даржаев 2008: 4]. Однако они не могли определять степень вины и вид наказания без решения общества. Только общественный приговор, принятый на общем собрании — суглане — был правомочен назначать наказания [Даржаев 2008: 4].

Как отмечал Е. М. Залкинд, право осуществления суда и судопроизводства родоначальниками для простого народа была палкой о двух концах: избавляя их от мелочного и назойливого вмешательства корыстолюбивых чиновников, она в то же время значительно усиливала власть местных старшин, которые оберегали не столько святость древних обычаев, сколько свои классовые интересы [Залкинд 1970: 123].

Высокий социальный статус родовой знати в памятниках обычного права бурят особенно отчетливо проявляется в системе наказаний и материальных взысканий за нарушение норм обычного права. Нормы обычного права бурят предполагали разные виды наказания, в том числе и телесные.

За оскорбление нойонов и сайтов¹ социальными низами, предусматривалось крупное взыскание с них в виде штрафа и телесные наказания, за оскорбление же нойонами податных взыскивались относительно незначительные суммы [Арсаланов 1986: 108]. Так в Селегинском уложении 1775 г. говорится: «если пьяный сайт изобьет казака или податного без увечья, то он должен отдать один рубль. Если пьяный казак или податной изобьет сайта без увечья, то он должен заплатить штраф одну трехгодовую лошадь и наказать его розгами» [Цибиков 1970: 36]. Таким образом, тяжесть наказания зависела от положения человека в обществе и его репутации.

Ярко выраженное социальное расслоение бурятского общества в судебной практике наблюдалось еще в XVII в. В «Скаске балаганских бурят» 1693 г., отмечается, что за убийство привилегированного человека платится «анза» в размере 66 голов скота, а за убийство «холопа или холопки» — конь с седлом и уздой или «что за него цены дано» [Арсаланов 1986: 109]. Тайша мог подвергать телесным наказаниям даже сайтов низшего разряда, которые за «послабления в сборе ясака» подлежали наказанию «палочьями, коим длина в русскую сажень, а толщина — смотря по шубе» [Даржаев 2001: 74].

В Хоринских уложениях 1808 и 1823 гг. еще более подробно устанавливаются нормы наказания за оскорбление словами или действиями представителей родовой знати. В данных памятниках последовательно проводится грань между основными классами бурятского общества в первой половине XIX в. — между нойонами и сайтами, с одной стороны, и простыми податными — с другой. Степень наказания зависела от социального статуса не только обидчика, но и обиженного. За оскорбление нойона или сайта предусматривалось крупное взыскание в виде штрафа и телесного наказания по отношению к социальным низам, за оскорбление простых податных нойонами взыскивается относительно небольшая сумма [Цибиков 1970: 28].

Наиболее широкие полномочия родовой знати проявились в нормах обычного права, которые касались вопросов землеустройства. В частности, за представителями родовой аристократии закрепилось право распоряжения земельными наделами подвластного им населения. Такие полномочия родовой аристократии выразились

¹ Сайт — родоначальник.

в различных злоупотреблениях нойонства в вопросах земельного урегулирования. Так, в «Положении о степных законах кударинских бурят...» 1860 г. отмечено: «Так как главный начальник в ведомствах, заседатели думы и родовые старосты, головы никакого жалования не получают, то в вознаграждение за их службу отводятся им особые участки пахотной и сенокосной лучшей земли в несколько раз более против простого инородца» [Арсаланов 1986:109].

Как отмечает Е. М. Залкинд в своей монографии, аграрными конфликтами заполнена вся вторая половина XIX в., что свидетельствовало о неурегулированном вопросе землепользования. Нойонство, используя свою власть, прибегало к прямому захвату общественных земель или наделов, отведенных подвластным им родовичам. Особенно участились эти захваты к концу изучаемого периода, когда нойонство стремится укрепить свои пошатнувшиеся позиции концентрацией земли в своих руках [Залкинд 1970: 250]. Также через призму социально-экономического развития региона показывает жизнь и деятельность бурятского нойонства крупный исследователь бурятской истории — И. А. Асалханов [Асалханов 1963].

В памятниках более позднего периода мы наблюдаем стремление представителей родовой знати законодательно закрепить отличительные знаки в одежде. В преамбуле к Уложению 1841 г. одной из причин составления данного сборника упоминается отсутствие отличительных знаков для представителей родовой знати. В период первых контактов русских казаков с бурятами, внешние отличия бурятской родовой знати легко фиксировались казаками. Согласно первым отпискам русских казаков, князцы и лучшие люди по преимуществу были конниками и «куяшными мужиками», отличались от остальной массы населения даже внешним видом. Бурятские князцы и их дружинники, «лучшие люди», имели шеломы, куюки, луки и сайдаки [Окладников 1937: 312].

В последующем в правовых актах родовой аристократия поставилась более четко выразить внешние отличия своей социальной группы. Одним из отличительных знаков был определен жинчи — украшение головного убора. Для главных тайшей отоков был определен красный жинчи из маржана (коралла), подставку делали из золота или серебра. Зимнюю шапку следовало шить из соболей

или из их хвостов, а летнюю — из плиса; дэгэлы шить из гладкого или вышитого шелка, воротник дэгэла должен быть с отворотами, вышитыми золотыми нитками, кушаки — из шелка; унты — из плиса или юфти. Также должны были одеваться супруги тайшей [Цибиков 1970: 78].

Шуленги приравниваются к главам отоков, и им предписывалось носить жинчи из ляпись-лазури, а также одежду из вышитого и узорчатого шелка и тонкого сукна [Цибиков 1970: 79]. Простым податным людям было запрещено носить шапки с различными жинчи. За нарушения данного правила полагался штраф [Цибиков 1970: 79]. В статье 53 вышеназванную одежду и отличительный знак — жинчи, показывающий на занимаемое положение, должны носить при посещении высшего начальства, официальных учреждений и празднеств, устраиваемых по законам своей религии. Если вышеназванные положения не будут выполняться, то, считая тех нарушителями постановления, взыскать с них соответствующий их положению штраф в пользу казны дацана [Цибиков 1970: 79].

Заключение

Таким образом, оставление сборников «степных законов» было одним из инструментов для бурятской родовой знати, чтобы закрепить свое высокое положение в обществе в новой сложившейся политической обстановке, а также установить диалог с царской администрацией. «Степные законы» составлялись на собраниях, где основными участниками были представители родовой аристократии, а в более поздний период и представители буддийского духовенства. Безусловно, что при составлении подобных документов представители родовой аристократии действовали в своих интересах. Как отмечает Б. Д. Цибиков писаное право бурят XVII–XIX вв. представляет собой классовое право, составленное преимущественно для охраны верхушки бурятского общества [Цибиков 1970: 5]. Это нашло свое выражение в системе наказаний, судопроизводстве, земельном вопросе, а также в решении более мелких вопросов общего характера. Представители родовой аристократии не были ограничены в своей правотворческой деятельности, им не нужно было приспособливаться к новым для них законам, в результате чего

составлялись такие нормы, которые позволяли бы им сосредоточить в своих руках широкие полномочия.

Важно отметить, что процесс закрепления прав управления бурятскими родами за родовой знатью носил двойственный характер. Так, в результате прямого администрирования со стороны царского правительства власть главных тайшей не получала законодательную поддержку, за исключением положений, разработанных иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным в 1812 г. [История органов самоуправления 2013: 149], в связи с чем бурятские родоначальники приложили немало усилий к изменению норм обычного права с целью укрепить свое привилегированное положение.

Литература

- Арсланов 1986 — Арсланов *Б. Г.* Взаимодействие обычного права и народных традиций у бурят // Исследования по исторической этнографии монгольских народов: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986. С. 102–110.
- Асалханов 1963 — Асалханов *И. А.* Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1963. 493 с.
- Базаров, Даржаев 2008 — Базаров *Б. В.*, Даржаев *С. Ю.* Влияние русской государственности на процесс эволюции обычного права бурят // Этническая и национальная политика государства в Бурятии XIX – начало XXI вв.: в 2 ч. / под ред. Б. В. Базарова. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. С. 30–44.
- Даржаев 2001 — Даржаев *С. Ю.* Степные думы — органы самоуправления бурят в российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2001. 139 с.
- Даржаев 2008 — Даржаев *С. Ю.* Суд и судопроизводство у бурят в XIX – начале XX в. // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. №15. С. 1–10.
- Залкинд 1970 — Залкинд *Е. М.* Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 398 с.
- История органов самоуправления 2013 — История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Дамешек *Л. М.*, Жалсанова *Б. Ц.*, Курас *Л. В.* Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
- Окладников 1937 — Окладников *А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Соцэкгиз, Ленингр. отд., 1937. 424 с.

- Сибирь в составе 2007 — Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. Л. Зиновьев, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова, В. Л. Шахеров, М. В. Шиловский. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Токарев 1939 — Токарев С. А. Памятник обычного права бурят XVII века // Исторический архив. Т. II. М.; Л., 1939. С. 39–50.
- Тумурова 2005 — Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. 240 с.
- Тумурова 2004 — Тумурова А. Т. Обычное право бурят. Селенгинское уложение 1755. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 115 с.
- Федоров 1978 — Федоров М. М. Правовое положение народов Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.
- Цибикив 1970 — Цибикив Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1970. 283 с.
- Цибикив 1992 — Цибикив Б. Д. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.

References

- [History of Buryat Local Self-Government Institutions: 19th – early 20th Centuries]. Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L.V. Irkutsk: Irkutsk State University, 2013. 503 p. (In Russ.)
- [Siberia in the Russian Empire]. I. L. Dameshek et al. Moscow: Novee Literaturnoe Obozrenie, 2007, 368 p. (In Russ.)
- Arsalanov B. G. The interaction of customary law and national traditions among the Buryats. In: [The Mongolic Peoples: Studies in Historical Ethnography]. Coll. papers. Ulan-Ude, 1986. Pp. 102-110. (In Russ.)
- Asalkhanov I. A. [Socio-Economic Development of Southeastern Siberia: Mid-to-Late 19th Century]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1963. 493 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V., Darzhaev S. Yu. The impact of Russian statehood on the evolution of Buryat customary law. In: [State Ethnic and National Policies in Buryatia: 19th to Early 21st Centuries]. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2008. Pp. 30–44. (In Russ.)
- Darzhaev S. Yu. [‘The Steppe Dumas’ — Buryat Self-Government Institutions in the Russian Empire: 1822 – 1904]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2001. 139 p. (In Russ.)
- Darzhayev S. Yu. The court and legal proceedings of the Buryats in the 19th – early 20th centuries. *Public Administration. E-Journal*. 2008. No. 15. Pp. 1-10. (In Russ.)
- Fedorov M. M. [Legal Status of Siberia’s Peoples: 18th – Early-to-Mid 19th Centuries]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1978. 207 p. (In Russ.)

- Okladnikov A. P. [History of Western Buryat-Mongols in the 17th – 18th Centuries: Historical Essays]. Leningrad: Sotsekgiz, 1937. 424 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. A 17th-century monument of Buryat customary law. *Istoricheskiy arkhiv*. 1939. Vol. 2. Pp. 39–50. (In Russ.)
- Tsibikov B. D. [Customary Law of the Khori Buryats: Classical Mongolian-Language Monuments]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 312 p. (In Russ.)
- Tsibikov B. D. [Customary Law of the Selenga Buryats]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1970. 283 p. (In Russ.)
- Tumurova A. T. [Buryat Common Law: a Case Study of the 1755 Seleginsk Code]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2004. 115 p. (In Russ.)
- Tumurova A. T. [Buryat Customary Law: Genesis]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2005. 240 p. (In Russ.)
- Zalkind E. M. [A Social Structure of the Buryats: 18th – Early-to-Mid 19th Centuries]. Moscow: Nauka, 1970. 398 p. (In Russ.)